

ТВОРЧЕСТВО КОНСТАНТИНА СИМОНОВА – ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

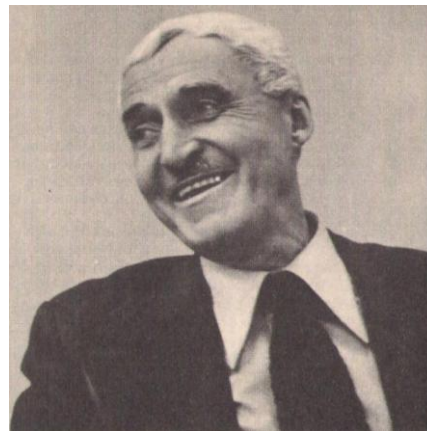
К 70-летию Великой Победы и 100-летию со дня рождения К.М. Симонова (1915–2015)

Григорай Ирина Викторовна,
*профессор кафедры русского языка
и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ*

Первый раз Константин Михайлович Симонов стал исключительно, небывало известным писателем в нашей стране в тяжелую зиму 1941–1942 года после публикации в январском номере «Правды» стихотворения «Жди меня»:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера...

Известно, что эти стихи и генералы, и рядовые бойцы носили в кармане гимнастерки, как молитву и заклинание, посылали жёнам с фронта. Поэтесса Маргарита Алигер так объясняла их

выходящую за все пределы популярность: «За этими стихами стояло нечто всеобщее и грандиозное – война, нечто всеобщее и всечеловеческое – любовь. И писались стихи, потому что это было необходимо одному человеку. Вот и стали они необходимы великому множеству людей».¹ Интересно, что её современник и тоже поэт, литовец Эдуардас Межелайтис, работавший в Москве в ту суровую зиму, объяснял «всеобщность» симоновских строк несколько иначе. Он работал на Всесоюзном радио в литовской редакции, перевёл «Жди меня» на литовский и читал его слушателям оккупированной Литвы. «Поэт словно угадал мои мысли, – вспоминал он спустя 40 лет, – “Жди меня”. Тогда это были самые главные, самые сокровенные слова. Мои слова. Я так долго носил их в сердце! Так хотел произнести их вслух! И вот нашёлся поэт, который опередил меня и высказал вслух мою сокровенную мысль, моё желание... В тот день передо мной раскрылась главная тайна поэзии: угадать мысль миллионов... Мысль большой поэзии – всегда мысль миллионов».²

Цикл «С тобой и без тебя», опубликованный в ту же первую военную зиму, куда входило и «Жди меня», казалось бы, подтверждал правоту Алигер: стихи, написанные для одной женщины, необходимые одному человеку, закономерно стали всеобщими. Но и Межелайтис был прав – Симонов угадал сокровенное желание каждого, ибо воплотил свою мысль в древнюю форму магического заговора, заклинания, какой была

¹ Алигер М. Беседа / Константин Симонов в воспоминаниях современников. М. : Советский писатель, 1984. С. 52.

² Межелайтис Э. И я вернусь / Константин Симонов в воспоминаниях современников. М. : Советский писатель, 1984. С. 114.

ИМЕНА И ДАТЫ

лирика у своего фольклорного начала. И миллионы – в тылу и на фронте – заклинали судьбу, противопоставляли грозящей беде мужественную веру.

О судьбе стихотворения «Жди меня» поэт рассказывал на встрече со студентами Дальневосточного госуниверситета в 1976 году и читал на главной площади Владивостока не менее знаменитое стихотворение «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины». В университете на Суханова, 8, он рассказывал, что после войны перестал читать на встречах «Жди меня», потому что жёны погибших упрекали: «Мы верили Вашим стихам, мы ждали долгие месяцы после войны, а мужья не вернулись». Вновь стал читать стихотворение на Дальнем Востоке, потому что попросили жёны рыбаков...

Всю Великую Отечественную войну Симонов был специальным корреспондентом центральной военной газеты «Красная звезда». В ней он помещал корреспонденцию, очерки, рассказы. О его работе в «Красной звезде» редактор Д. Ортенберг вспоминал: «Константин Симонов имел репутацию едва ли не самого оперативного корреспондента <...> редакция безжалостно бросала его с одного важного и трудного участка фронта на другой. Он выезжал на самые горячие точки главных направлений, возвращался в редакцию, опять выезжал...»³ Симонов имел все

основания слагать «Корреспондентскую застольную», которую журналисты до сих пор считают своей профессиональной песней:

На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми въезжали в города...
Жив ты или помер –
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.

Во время войны хорошо были известны повесть «Дни и ночи», написанная по впечатлениям командировок в осажденный Сталинград, пьеса «Русские люди», стихи «Майор привёз мальчишку на лафете», «Если дорог тебе твой дом», «Был у меня хороший друг», «Хозяйка», «Мы не увидимся с тобой».

В первое послевоенное десятилетие тему Великой войны не оттеснили ни заграничные командировки, ни успехи пьес на театральной сцене, ни огромная общественно-литературная работа – секретаря Союза писателей, редактора журнала «Новый мир», «Литературной газеты», и в начале 1950-х годов Симонов начал работу над своим главным романом о войне «Живые и мертвые».

К. Симонов и А. Сурков. 1942 г.

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

³ Ортенберг Д. Таким я его знал / Константин Симонов в воспоминаниях современников. М. : Советский писатель, 1984. С. 97, 90.

ИМЕНА И ДАТЫ

Сначала, на подступах к эпопее о Великой войне, написал роман «Товарищ по оружию» (1952) о событиях в Монголии на реке Халхин-Гол, с которых начал карьеру военного корреспондента. Это был первый роман Симонова, который он сам спустя несколько лет назвал ученическим. Кровавые события 1939 года на Халхин-Голе, при всей жестокости развернувшейся короткой войны, не шли ни в какое сравнение с четырёхлетней страшной Отечественной войной: они развернулись не на своей территории и при намного превосходящих наших силах, обеспечивших быструю победу. Но именно там увидел автор своими глазами героическое мужество наших бойцов и командиров, поэтому роман стал подступом к эпопее «Живые и мертвые», из него Симонов перенёс в свой главный роман несколько героев.

Публикация трилогии «Живые и мертвые» (1959–1971 годы) стала вторым исключительным событием, навсегда связавшим жизнь Константина Симонова с жизнью людей нашего Отечества.

К моменту публикации первой книги трилогии, «Живые и мертвые», с первого военного 1941 года, о котором она рассказывала, с отступления наших войск от западной границы до Москвы, прошло меньше двадцати лет. События 1941 года были в памяти всех граждан страны старше 30 лет. Не тысячи – миллионы помнили страшные картины отступления наших войск, беспорядочные толпы беженцев, немецкие «мессершмитты» и танки, расстреливающие на дорогах отступающие войска и мирных людей, кровопролитные бои, после которых от стойких полков редкие бойцы оставались живыми. Взрослое население страны помнило ужас неизвестности о судьбе близких на захваченной фашистами территории, о судьбе тех, кто воюет в армии, о судьбе страны. И хотя то же взрослое население всё сделало для победы и хорошо помнило собственные невероятные усилия во второй половине 1950-х годов вопрос о том, почему с таких потерь, с таких ошибок началась война, наряду с вопросами о причинах необоснованных арестов 1930-х годов, о лагерях с

политзаключенными, с командирами Красной Армии, был одним из самых животрепещущих.

Книга Симонова картинками отступления и сражений, большим количеством эпизодов и героев, обрисованных то эскизно, то подробно, если и не давала исчерпывающего ответа на вопрос, то многое проясняла. Вот почему уже первые публикации стали большим общественным событием, породили небывалые очереди за журналами в библиотеках, многочисленные статьи и читательские конференции. Последующие публикации двух других книг трилогии – «Солдатами не рождаются» (о переломном Сталинградском сражении) и «Последнее лето» (о последних месяцах войны на нашей территории) – не разочаровали читателей, углубили понимание вопроса, заставили сродниться с героями настолько, что гибель в конце романа одного из главных, любимейших – генерала Серпилина – вызвала протест у многих, особенно у женщин.

В романе окончательно оформились, получили законченное воплощение любимые идеи автора. Первая, звучавшая прежде в стихах: война – это тяжелая работа. Тот командир, который собирается выиграть бой должен сам сделать всё, что нужно, и потребовать того же от уставших сверх всякой меры подчинённых, чтобы была абсолютная готовность к сражению. Другая идея – на войне надо постоянно думать, и тем больше, чем выше должность, – тогда сможешь обеспечить победу в бою, и будет минимальны – при сложившихся обстоятельствах – потери. Эти два неперемненных слагаемых военного успеха Симонов доказывает постоянно, переносит доказательства их из книги в книгу.

Утверждается в исследованиях, в частности Г. Белой, что главная тема трилогии – героическое мужество людей. Но оно результативно проявляется, по Симонову, только при наличии двух первых слагаемых успеха. Вот почему вторая книга трилогии об окончательном переломе в ходе войны называется «Солдатами не рождаются»: опытность, приобретённая на войне, для солдата и командира бывает подчас важнее храбрости.

ИМЕНА И ДАТЫ

Сама проблема храбрости как составляющей характер человека занимает автора постоянно, и герои его исчерпывающе высказываются на эту тему. Показателен разговор о мере храбрости, которую чувствуют в себе сами люди, между Таней, «маленькой докторшей», и командиром партизанской бригады Кашириным по дороге в Кремль, где им должны вручить награды. Таня была эвакуирована из бригады в госпиталь после ранения, а Каширин, как и другие командиры партизанских отрядов, переправлен самолетом в Москву на слёт и награждение. Таню любили и уважали во всех трёх книгах «Живых и мертвых» за храбрость и находчивость, но лететь с Кашириным обратно в бригаду она отказалась: после отпуска по ранению попросится на фронт, в медсанбат. Она не представляет себя вне войны с немцами, но не за линией фронта – страшно.

– Не хочешь, значит, остаться партизанкой? – сказал Каширин...

– Тоже иногда в армию хочется, чтобы и спрос с тебя и ответ – всё по армейской норме: приказали – выполнил, выполнил – доложил; слева – сосед, справа – сосед, впереди – противник, сзади – начальство... А другой раз подумаешь: нет, не нашёл бы там счастья, затосковал по партизанскому краю, слишком привык сидеть у фрицев самостоятельным гвоздем в сапоге.

Симонов хорошо знает, что у каждого человека свой запас храбрости: одни храбры безмерно, по натуре, таких сравнительно мало; других храбрыми обязывает быть совесть, чувство долга; третьих надо заставить, надо, чтобы привыкли. Писатель и лучшие его герои считают, что воевать – обязанность мужчин, но не женщин. Но они не отказывают женщинам в праве сражаться с фашистами. Настоящие мужчины у Симонова испытывают чувство вины перед женщинами, оказавшимися на захваченной немцами территории, страны. Когда Таня рассказала Артемьеву то, что знала о гибели его сестры Маши, заброшенной радисткой за линию фронта, он испытал «щемящую жалость уже не только к сестре, а вообще ко всем, кто и сейчас ещё там, кого продолжают забрасывать туда, в пекло... и сейчас там попадаетея, гибнет, идёт

на виселицы... Он испытывал жестокое, почти нестерпимое чувство мужского, именно мужского стыда за всё то, что выпало на долю этих девушек и женщин, таких же, как его сестра и как эта маленькая, сидевшая против него». Чувство мужского стыда было для Симонова отличительной чертой мужского сознания в воюющей стране: «...как мы это позволили, чтобы они там гибли, умирали, чтобы их пытали, и насильовали, и расстреливали босых на снегу, и накидывали верёвки на тонкие девичьи шеи! Как мы допустили, чтобы это было!.. Боже мой, как это страшно и стыдно!»

Писатель, зная, что у некоторых мужчин храбрости бывает «недоливом», считает, что они все равно должны быть на фронте. Освобождаются, и то не сами, только те, кто делает оружие для воюющих, без кого невозможно обеспечить фронт и порядок в тылу.

Эта черта симоновского сознания, конечно, привлекала читателей отвоёванной страны, тем более, что автор был как-то особенно честен: он не считал, что профессия военного корреспондента самая опасная на войне, писал об этом в «Живых и мертвых» и в примыкающих к ним повестях о корреспонденте Лопатине «Так называемая личная жизнь» (1972).

В «Живых и мертвых» читателей более всего привлекали герои, у которых хватало гражданского мужества искать ответ на вопрос и в начале войны, почему она началась с таких страшных поражений, и под Сталинградом, накануне перелома и победы: зачем нужно было сначала отступить, а затем уже расплачиваться, как это допустил Сталин, в которого безоговорочно верили. Этим вопросом и недоумением мучились не только «думающие» герои трилогии – Синцов и Серпилин, – но и люди, всегда верящие вождю. Чтобы ответить, Симонов сначала озвучил размышления о Сталине друга Серпилина из Генерального штаба, Ивана Алексеевича, который часто ходил к главнокомандующему на доклад: «Да, Сталин – это Сталин!.. В том, что он великий – колебнулось что-то в душе в начале войны, а потом опять утвердилось...

ИМЕНА И ДАТЫ

А в том, что он страшный? Это ведь тоже тебе известно, и лучше, чем многим... И где кончается железная воля, и где начинается непостижимое упрямство, стоящее десятков тысяч жизней и целых кладбищ загубленной техники, не всегда сразу поймешь. Да, слушает, рассматривает и одобряет планы... не отмахивается от советов и донесений, как тогда, перед началом войны, а потом последнее слово за ним, и слово это – иногда единственное верное решение, а иногда вдруг рассудку вопреки, наперекор стихиям...».

Показывает Симонов вождя глазами умного, безукоризненно честного Серпилина. Федора Федоровича арестовали в 1937 году за несуществующий заговор, и испугался он не во время жестоких допросов, а уже в лагере, где увидел огромное количество командиров, как и он, высокого ранга, испугался за страну, за армию. Его, как сотни других, освободили перед самой войной, но в лагерях оставалось гораздо больше. После победы под Сталинградом, когда для всех он был вне подозрений, Серпилин решил на письмо к Сталину, чтобы обратить внимание вождя на оставшегося в лагере друга и других, могущих хорошо воевать. На встрече Сталин был показан как человек умный, отвечающий за свою страну, и одновременно жестокий, страшный: в его глазах Серпилин прочёл отсутствие всякого интереса и к тем, кто безвинно сидел в лагерях, а главное, к огромным людским потерям на войне, к лишним жертвам из-за, подчас, неграмотного планирования и проведения военных операций. Герой понял, глядя в глаза вождю, то, чего не понимал раньше: «жаловаться некому».

Впечатления Серпилина, вынесенные им от встречи со Сталиным, не приводят его к каким-либо решениям, не меняют служебного и жизненного поведения, остаются болью, загнанной внутрь. По всей вероятности, суровая оценка вождя, данная Иваном Алексеевичем, не была окончательной оценкой автора. Встречаясь со Сталиным после войны по вопросам литературы, он продолжал размышлять о личности вождя, об отзывах на произведения, выдвинутые на Сталинскую премию, о его подчас неординарных решениях. Так, в 1947 году Симонов получил от

Сталина разрешение на публикацию в «Новом мире» «Партизанских повестей» М. Зощенко – в самый тяжелый период жизни сатирика.

С огромной энергией занимался Симонов вопросами литературы после смерти Сталина. Кровным делом для него была забота о литературном наследии В. Маяковского, М. Булгакова, О. Мандельштама, А. Твардовского, И. Ильфа и Е. Петрова. Он позаботился о переиздании давно не публиковавшихся сочинений И. Ильфа и Е. Петрова, добился публикации стихов О. Мандельштама в «Библиотеке поэта». Благодаря его хлопотам было опубликовано главное произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Он добился включения в собрание сочинений Э. Хемингуэя на русском языке романа «По ком звонит колокол». Его первый биограф, один из сотрудников «Нового мира» Л. Лазарев, писал: «Он близко к сердцу принимал судьбу попавшей к нему талантливой рукописи». Был счастлив, когда «пробил» публикацию повести Вяч. Кондратьева «Сашка».

К. Симонов и Е. Петров. 1942 г.

ИМЕНА И ДАТЫ

Симонов имел редкое свойство не бояться сравнения чужих произведений с собственными, причём в пользу первых. Он был замечательным другом: все, не только писатели, вспоминали, что он умел и, главное, любил помогать друзьям и всем, кто к нему обращался.

Значительной частью его литературного наследия являются поэтические переводы. Он переводил национальных поэтов нашей страны, особенно грузинских, и зарубежных, больше всего – Назыма Хикмета и Редьярда Киплинга.

Последние десятилетия жизни Симонова были заняты, помимо творческой и общественной работы, приведением в порядок дневников военного времени. Он использовал дневники в первой книге «Живых и мертвых», особенно при изображении первых дней войны. Работа заключалась в сопоставлении собственных впечатлений об отступлении наших войск, первых результативных сражений с публикацией подлинных исторических фактов из статей и архивов наших и немецких. В работе этой Симонов видел исполнение долга перед живыми и мертвыми победителями. Он понимал, что дневниковые свидетельства с последующими историческими комментариями показывают только часть войны, и считал, что необходимо записать на магнитофон на киноплёнку, убедить выступить по телевидению как можно больше участников войны, от маршалов до рядовых, чтобы оставить потомкам поучительное свидетельство народного подвига. И, благодаря его усилиям, остались сотни таких свидетельств.

К. Симонов и А. Твардовский. 1969 г.

Первые публикации дневников вызвали огромное количество писем – от тех, кто упомянут и остался в живых, от сослуживцев погибших, от их жён и родных. В ряде случаев родные ничего не знали о судьбе своих воинов и прочли в симоновских дневниках последние сведения о них, часть писем досказывала военную и послевоенную судьбу дневниковых героев. При переиздании в книгу под заглавием «Разные дни войны» (1976) вошли, помимо дневниковых записей и исторических комментариев, и письма родных и друзей. Получилась уникальная историко-литературная книга, каких не знала до сих пор мировая литература. Книга об уникальной четырехлетней освободительной войне нашего народа.

Главной книгой Симонова в нашей литературе об Отечественной войне всё же остались «Живые и мертвые». Трилогия открыла дорогу изображению и обсуждению в последующие десятилетия такого сложного периода нашей истории, как первые дни войны, и такой личности, как Сталин. Первая тема была безоговорочно поддержана писателями и критикой (назовём хотя бы «Июль 41 года» Г. Бакланова), вторая получила противоположные оценки и толкования (полемика о Сталине видна, например, в романе Ю. Бондарева «Горячий снег»).

Заключительный роман трилогии Симонова «Последнее лето» поразил всех смертью главного думающего героя – Серпилина. В критике возникло предположение, что Симонов «убил» любимого героя, чтобы он не имел возможности додумать свои впечатления о Сталине, чтобы в мыслях не зашел далеко, до сомнений во всём государственном устройстве, в советском сознании воюющей страны. Соображения эти, снижающие значимость романа как этапа народного сознания, и его автора для отечественной литературы, в чём-то перекликаются с замечаниями А.И. Солженицына в книге «Архипелаг Гулаг»: дескать, Симонов и не бывал никогда на фронте, кроме как летом 1941 года, когда плывал на подлодке к берегам Румынии. По всей вероятности, замечание было рассчитано не на отечественного

ИМЕНА И ДАТЫ

читателя. Остаётся догадываться, что особенно раздражало такого сильного полемиста, как Солженицын, в творчестве Симонова.

Два «думающих» героя, проходящих через всю трилогию «Живые и мертвые» от начала до конца, имеют одну характерную особенность в убеждениях и поведении: они не копят обиды на своё государство и хотят только одного – возможности его защищать. Вернувшийся в Москву с Колымы в первый день войны Серпилин хотел только одного – поскорей оказаться на фронте: «он ушёл на фронт не дожидаясь ни переаттестации, ни даже восстановления в партии... и уехал принимать полк. Он был готов пойти хоть на взвод, только бы без проволочек вернуться к своему делу». А Синцов из-за потерянных не по его вине документов – и звания, и партбилета – после критического для Москвы дня, 16 октября 1941 года, хотел тоже только одного – чтобы взяли солдатом в ополчение, дали возможность драться с немцами под Москвой. Главное, что их поддерживало, – вера в людей, воюющих рядом, и в государство этих людей. Солженицын был убеждён, что метастазы страшного явления внутри государства – архипелага Гулага – постепенно развалит само государство. Критики 1970-х годов, требуя от Симонова, чтобы он вместе со своим Серпилиным увидел неизбежный развал государства, как

будто оказались правы, а писатель неправ, чересчур долго осмысляя то, что ему было известно о пороках сталинизма.

А писатель независимость своих мыслей и решений от воли высоких чиновников доказал, сумев организовать втайне свои похороны: жена и один друг-генерал развеяли его прах под Могилёвом, где погибли в 1941 году его товарищи.

Мемориальный знак, посвященный памяти Константина Симонова, установленный на Буйничском поле, под Могилёвом. Согласно завещанию писателя, его прах был развеян над полем в сентябре 1979 г.